

«ЯЗЫК НАРОДА... ГЛАВНЕЙШИЙ И НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ РОДНИК НАШ»: К ЮБИЛЕЮ В. И. ДАЛЯ

УДК 811.161.1'374/3. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-09. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

ДАЛЬ – ЧЕЛОВЕК И СЛОВАРЬ (К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Рут М. Э.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

А н н о т а ц и я. Автор размышляет о судьбе самого популярного в России словаря, принадлежащего перу лексикографа, этнографа и фольклориста В. И. Даля, анализируя принципы построения этой «энциклопедии народной русской жизни первой половины XIX в.» (В. В. Виноградов). Современники критично оценивали словарь, находя неудобным гнездовой способ организации материала, выискивая фактические ошибки и возмущаясь использованием вместо заимствований собственно русских слов, порой самим же Далем сконструированных. Не отрицая ошибок, необходимо подчеркнуть, что организация материала не случайна и вызвана полемикой с выходявшими в то время нормативными и диалектными («областными») словарями, в которых слово представало в отрыве от его реализации в языке и речи. Ключевым в характеристике языка для Даля было слово *живой*, и именно на репрезентацию живых связей слов в языке «работают» принципы построения словаря: гнездовой способ подачи, наглядная демонстрация парадигматических и синтагматических связей слова в рамках одной словарной статьи, объединение в словаре лексики всех форм существования национального языка. Современные лексикографы, как правило, избегают воплощать эти принципы, ориентируясь на создание словарей-справочников, в которых в алфавитном порядке подаются слова, снабженные научной дефиницией и грамматическими и стилистическими пометами. Дополнением к содержанию словарной статьи по сравнению со словарями XIX века стали только иллюстративные примеры, подтверждающие значение данного слова. Последователей В. И. Даля в лексикографии практически нет. В качестве шагов на пути следования Далю упоминается Русский словарь языкового расширения А. И. Солженицына и словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири Г. В. Афанасьевой-Медведевой, в котором иллюстративные примеры с успехом решают задачу демонстрации жизни слова в речи и языковой системе. Между тем возврат к принципам талантливого лексикографа может оказаться весьма продуктивным.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская лексикография; лексикографы; толковые словари; русский язык; лексикология русского языка; принципы построения словарей; связи слов

DAHL – A MAN AND A DICTIONARY (FOR THE 220TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

Maria E. Ruth

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

The author reflects on the fate of the most popular dictionary in Russia, written by the lexicographer, ethnographer and folklorist V. I. Dahl, analyzing the principles of building this “encyclopedia of Russian folk life of the first half of the 19th century” (V. V. Vinogradov). Contemporaries critically evaluated the dictionary, finding the word family method of organizing the material inconvenient, looking for factual errors and being outraged by the use of original Russian words instead of borrowings, sometimes constructed by Dahl himself. Admitting some drawbacks, it is necessary to emphasize that the organization of the material is not accidental and is caused by a polemic with the normative and dialect (regional) dictionaries that were published at that time, in which the word was presented in isolation from its realization in language and speech. The key word in the characterization of the language for Dahl was the word *alive*, and it is precisely on the representation of the living connections of words in the language that the principles of dictionary compilation “work”: word family method of presentation, a visual demonstration of the paradigmatic and syntagmatic connections of the word within the framework of one dictionary entry, combination of the vocabulary of all forms of the existence of the national language in the dictionary. Modern lexicographers, as a rule, avoid implementing these principles, focusing on the creation of reference dictionaries, in which words are presented in alphabetical order, supplemented with a scientific definition and identification of grammatical and stylistic markers. It is only examples illustrating the meanings of the words that have supplemented the content of the modern dictionary entry in comparison with the dictionaries of the 19th century. There are practically no followers of Dahl in lexicography. Mentioned as steps on the way to follow Dahl is Solzhenitsyn’s “Russian Dictionary of the Language Extension” and the Sictionary of dialects of Russian first settlers of Siberia near Lake Baikal by G. V. Afanasyeva-Medvedeva, in which illustrative examples successfully solve the problem of demonstrating the life of the word in speech and the language system. Meanwhile, a return to the principles of a talented lexicographer can be very productive.

Keywords: Russian lexicography; lexicographers; explanatory dictionaries; Russian; Russian lexicology; principles of dictionary compilation; connections of words

Для цитирования: Рут, М. Э. Даль – человек и словарь (к 220-летию со дня рождения) / М. Э. Рут // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 107–116. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-09.

For citation: Ruth, M. E. (2021). Dahl – a Man and a Dictionary (for the 220th Anniversary of the Birth). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 107–116. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-09.

Автор самого известного и, пожалуй, самого выдающегося в России словаря был весьма разносторонней личностью: потомственный врач, выполнявший свой долг и на поле боя, и у постели смертельно раненного А. С. Пушкина, талантливый инженер, этнограф, писатель – его перу принадлежит не один десяток художественных произведений, этнографических заметок и научных статей, – однако все затмил словарь «живого великорусского языка», являвшийся и для него главным трудом жизни, результатом более чем полувековых сборов русской лексики и русских пословиц и поговорок. В год юбилея хочется задуматься о феномене Даля как лексикографа и попытаться оценить обращенный в будущее его вклад в отечественную лексикографию. Тем более что в современной науке, как это ни парадоксально, лексикографическая деятельность В. И. Даля

редко становится объектом научного исследования: хотя нет ни одной работы по русской диалектологии, где не использовались бы данные далевского словаря, о Дале много пишут в библиографических изданиях, есть недавние работы по литературному творчеству В. И. Даля [например, Путилина 2008], по лексическим заимствованиям в его словаре и литературных произведениях [например, Чикова 2003], но сами принципы построения этого лексикографического уникала практически не обсуждаются. Не случайно сама оценка словаря обычно носит эмоциональный, образный характер – «энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в.» (В. В. Виноградов), «рудник настоящего подлинного русского языка» (А. Шлейхер) и т. п.

Между тем анализ, как правило, оказывался весьма нелицеприятным. Негативные оценки

появились еще в ходе подготовки публикации – в четвертый том первого издания словаря вошла полемика В. И. Даля с А. Н. Пыпиным (правда, последний впоследствии отрещивался от обвинений в напаках на словарь до его опубликования [Пыпин 1873], но основания для полемики у Даля были). А сразу после первого издания словаря началось бурное печатание дополнений и исправлений к словарю Даля, продолжавшееся до конца века. Резюмирует отношение к словарю статья «Даль» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона. Характеризуя В. И. Даля как «известного лексикографа» [Брокгауз, Эфрон: 946], авторы, тем не менее, дают словарю весьма низкую оценку: «Его словарь, памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического (различные объяснения обрядов, поверий, предметов культуры и т. д.), к сожалению, не всегда достоверного» [Там же: 947]. К этому приговору добавляются еще и сомнения в реальности приведенных Далем слов, и критика этимологической системы подачи материала, «разумной в основе, но оказавшейся не по силам Далю» [Там же]. В конце статьи, признавая, что «Словарь Даля до сих пор является единственным и драгоценным пособием для каждого занимающегося русским языком», авторы вновь не удерживаются от порицания: «Даль один из первых занимался также русской диалектологией и был превосходным практическим знатоком русских говоров, умевшим по двум-трем сказанным словам определить местожительство говорящего, но никогда не мог воспользоваться этим знанием и дать научную характеристику знакомых ему диалектических особенностей» [Там же].

Конечно, в столь суровой оценке немало справедливого. Славянофильство В. И. Даля заставляло его весьма тенденциозно относиться к фактам русского литературного языка, диктовало борьбу с заимствованиями и стремление буквально силой «втащить» в русский язык эквиваленты для заимствованных слов, в том числе собственного сочинения. Кроме того, Даль, по собственному признанию, отнюдь не лингвист, и его этимологии часто наивны – и это в пору расцвета сравнительно-исторического метода в лингвистике! «Напут-

ное слово» к словарю наполнено достаточно резкими высказываниями в адрес нормализаторов русского языка: в нем то говорится о «ложном, кривом направлении, которое... берет верх», то утверждается, что «нас завели в трущобу», то осуждаются «самodelковые слова, скованные по образцам славянским и греческим» или «готовые слова со всех языков» и «чужие обороты речи, бессмысленные на нашем языке» (Цит по: [Даль 1: XIII–XIV]). Этой ненавистной Далю «мертвой» нормализаторской деятельности и противопоставляется тот самый «живой» язык, который представлен в словаре.

Стремление представить в словаре живой язык носит, таким образом, явно дискуссионный характер, это не просто результирование собственной собирательской деятельности.

Важно подчеркнуть еще два обстоятельства. Во-первых, первая половина XIX века, большую часть которой В. И. Даль вел сбор русской лексики и русских пословиц и поговорок, прошла под знаком отработки принципов строительства русского литературного языка и осмысления его предназначения. В 1806–1822 годах выходит второе издание Словаря Академии Российской, дополняющее первое издание (1789–1794), при этом, в отличие от первого издания, слова в нем расположены по алфавитному принципу. Первый нормативный словарь содержит большое количество церковнославянской лексики, в том числе уже почти вышедшей из употребления, и достаточное количество лексики заимствованной, номинирующей новые реалии петровской и послепетровской России.

В 1847 году выходит Словарь русского и церковнославянского языка, подготовленный Вторым отделением Императорской Академии наук, т. е. фактически той же самой Российской Академией, которая была создана для подготовки первого нормативного словаря русского языка. Авторы-составители совместили в нем «нынешний русский язык, старинный русский и церковнославянский, как составные части живого языка, тем более что слова двух последних нередко являются у писателей наших в новых формах» [Словарь церковнославянского и русского языка 1: XII]. При этом одним из основных принципов подачи слов признается следующий: «Не обременять слов излиш-

ними примерами, а ставить только необходимо нужные для показания истинного значения их, особенно при словах малоизвестных или искаженных злоупотреблением» [Там же].

В этом первом после пушкинского призыва «учиться языку у московских просвирен» словаре нет и следа того языка, которым написан «Евгений Онегин», ставший манифестом нового литературного слога.

Во-вторых, в 50-е годы XIX века выходят восточковские диалектные словари, изначально задуманные как дополнение в словарю 1847 года: «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение» к нему (1858), – где русские диалектные слова поданы со строгой научной скрупулезностью и точной географической паспортизацией, но без каких-либо текстовых иллюстраций, «обременяющих слова излишними примерами». Даль откликается весьма ревниво: в докладе «О Русском словаре», прочитанном на заседании Общества любителей российской словесности 6 марта 1860 года и являющемся презентацией его собственного словаря, он порицает методику сбора материала для «Опыта» (составители сами материал не собирали, а обрабатывали присланные по их заданию слова с различных территорий России), приводит список явных ошибок, связанных с нечеткостью почерков в чужих, присланных «по должности» письменных материалах [Даль 1955, т. 1: XXXIV–XXXV]; в статье «О наречиях русского языка», написанной по поводу издания «Опыта», сетуя на отсутствие предисловия к словарю, тут же сам дает пространный очерк великорусских наречий, явно щеголяя своим знанием материала, а в конце приводит на двух страницах перечень самых существенных недостатков «Опыта» [Там же: XLI–LXXXV].

Приведенные факты достаточно рельефно обрисовывают ситуацию, в которой создавался словарь. Можно выделить те дискуссионные зоны, в рамках которых В. И. Даль настойчиво выражал свое личное мнение, противопоставляя его существующему. Это, во-первых, отношение к народным наречиям: в предшествующих трудах областные слова, хотя и называются фактами живой речи [Опыт 1852: IV], однако постоянно оцениваются либо как «уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности»,

либо как «обезображенные местным выговором» [Там же]. Вынося слово *живой* в название словаря, Даль явно полемизирует с «Опытом», в названии которого этого слова нет. Искажение русского слова Даль видит не в диалектном произношении, но как раз в попытках «исправления» народного языка «коневодами, которых брезгливые уши к такой речи непривычны» [Даль 1955, т. 1: XIV]. Задача лексикографа, по В. И. Далю, – «раскрыть сокровища нашего родного языка, привести их в стройный порядок» [Там же: XV]. «Я положил живой устный язык русский, а паче народный, в основу своего труда <...> потому что язык этот силен, свеж, богат, краток и ясен» [Там же: XVII] – как перекликается эта установка с пушкинской!

Вторая дискуссионная зона – уже не содержательная, а формальная. Даль не приемлет алфавитный порядок слов, считая, что он «крайне туп и сух» [Там же: XVIII], и настаивает на гнездовой подаче лексического материала. С одной стороны, это формальное решение логически вытекает из содержательной задачи – именно гнездовая подача позволяет показать семантические и бытийные связи слов между собой, выявить глубинные смыслы исходных корней, прояснить внутреннюю форму многих слов. Конечно, на этом пути неизбежны ошибки (и Даль это хорошо осознает), но лингвистического позитива при этом гораздо больше. Родственные связи слова – часть его жизни. И даже возникающие при этом ложные этимологии – тоже вполне жизненные языковые факты. Отметим, что русская лексикография последовательно выбирает именно алфавитный порядок слов в словарях как наиболее удобный – об этом свидетельствует и сопоставление двух изданий Словаря Академии Российской, и история издания Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах, первые тома которого были построены по гнездовому принципу, в последующем сменившемся на алфавитный порядок подачи лексического материала. Построить по алфавиту даже словарь В. И. Даля постарался И. А. Бодуэн де Куртене, готовя к печати его третье издание [Бодуэн де Куртене, 1903–1909]. Но для Даля гнездовой порядок принципиален, без него словарь теряет очень много.

Третья зона связана с объемом информации о слове. В живом языке слово не одиноко,

оно поворачивается разными гранями в речениях, словообразовательных цепочках, синонимических рядах. В вышедших до Даля (да и после Даля) словарях слово вырвано из речевого потока и снабжено только научным толкованием и грамматической информацией (для областного словаря – еще и географическими пометами). Это омертвленное слово, подобное растению из гербария, – так его ощущает Даль.

Таким образом, слово *живой* в названии словаря – не просто существенная характеристика материала, но и вызов оппонентам-предшественникам на стезе лексикографии. Этот полемический отклик и на словарь диалектной лексики, и на словарь литературного языка является важным компонентом дальевской концепции живого языка и живого слова.

Насыщенный диалектным материалом словарь Даля многими воспринимается прежде всего как словарь диалектный. Между тем это словарь недифференцированный, включающий в себя факты как литературного языка, так и просторечия и диалектов. В лучших словарных статьях этот симбиоз выглядит просто блестяще. Позволим себе привести фрагмент словарной статьи на слово *ветер* (орфография заменена современной, по техническим соображениям сняты ударения, которые Даль ставит в большинстве случаев на приводимых словах):

ВЕТЕР, ветер м. движение, течение, теча, ток, поток воздуха. По силе своей ветер бывает: **ураган**, квк. **бора: шторм, буря** (обычно с бурей соединены гроза и дождь), *жестокий, сильный, ветрища: средний, слабый, тихий ветер или ветерок, ветерочек, ветерец, ветришка*; по постоянству силы: *ровный, порывистый, шквалистый, голомянистый, ветер духами*, арх.; по постоянству направления: *пассатный или полосовой; постоянный, вондулук; изменчивый, шаткий или переходный; смерч, вихорь или заверть*, т. е. *круговой*. По направлению вообще, ветры именуются странами света, для чего овидь делится на 32 части, по осьми в четверти (см. *компас, матка*). На устьях рек принято вообще два главных вида ветров: *морской, моряна, нагон, низовой, и береговой, матерой, горыч, сухмень, сгон, выгон, верховой*. *Русский ветер, с Руси*, арх. южный, сиб. западный. *Ветер с Руси потянул. Русский ветер тепла принес*. На Белом море называют ветры: *сивер, се-*

*вер, С; лето, летний, летник, Ю; восток. В; запад, З; полуночник, заморозник или рекостав, СВ; обедник, ЮВ; глубник, голоменник, в Коле побережник. СЗ; шалоник в Мезени паужник, ЮЗ. Промежные страны или ветры назыв. там межниками, и обозначаются словами: стрик и меж, нпрм. в СВ четверти: север стрик севера к полуночнику, меж севера полуночник, стрик полуночника к северу, полуночник, стрик полуночника ко востоку, меж восток полуночник, стрик востока к полуночнику, восток. Ветры на Онеге: продольный или столбище, С; ребровский, Ю; восток, восточный, В; средний, З; галицкие ерши, ЮВ; шалоник, ЮЗ. На Ильмене: сиверяк, С; зимняк, В; мокрик, З; подсеверяк, СВ; шалоник, ЮЗ (столбняк? меженец? озерник, от Старой Русы? крестовый-запад, ЮЗ?); подсиверный-запад, СЗ. На Селигере: север, С; полуден, Ю; восток, В; запад, З; меженец, межник, СВ; зимняк, ЮВ; мокрик, ЮЗ; крестовый запад, СЗ. На Псковском озере: северик, С; полуденник, Ю; теплик, В; запад, З; сточей (восточий), СВ; мокрик, ЮЗ. На Волге: хилок или сладимый, Ю; моряна, СВ; гнилой, ЮЗ; вешняк, ЮВ; горыч, нагорный, ЮЗ; луговой, СВ. На Каспийск. море компас рыбаков флотский, т. е. голландский. На Байкале: север или гора, С; полуденник, Ю; восток, В; култук, З; баргузин, СВ; горный, горыч, горыня, СЗ; глубник, ЮЗ; шелоник, ЮВ. На Дунае: полночь, С; полуденка, Ю; карасль, ЮЗ; обаза, В. В влдск. белозер, С. По направлению ветра в паруса: *фордак, фордевинд, прямой, в корму, байкал. обетонь; попутный: поветерь, бакштаг, полный; поперечный: поперечень, галфвинд, полветра, боковой, байк. покачень, колышень; круче полветра: косою, бейдевинд, круть, крутой, астрх. рейковый, арх. покосной, бетъ, байк. битезь; встречный: противень, противный, в лоб, лобач, лобовой.* | Пирожное *ветер, французский ветер*, крем, битые сливки, иногда на яйцах. | ***Ветер**, говоря о человеке: ветрогон, ветренный, скорохват; непостоянный, непоседный, ненадежный, опрометчивый. *Ветром подбитый*, то же. *Ветром делать что: ходить ветром, делать все как ни попало, опрометчиво. Ветер ходит в (по) комнате, дует, несет, сквозит. Как на ветер, попусту. Вей по ветру, а впротив (а всупротив) глаза запорошишь, с силою не спорь. Выше ветра головы не носи, не забывайся. С ветра пришло, на ветер и по-**

шло. *За ветром в поле не угоняешься. Ведрами ветра не смеряешь. Спроси у ветра совета, не будет ли ответа? Кто ветром служит, тому дымом платяют. Французский ветер, ветрог. Откуда ветер подует, угодничает; куда подует, не стоек. Против ветра не надуешься. Не с ветра говорится то-то. Все пошло на ветер, промотался. Стрелять на ветер. Не верь ветру (коню) в море (в поле), а жене на воле (в доме). На ветер надеяться, без помола быть. От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом. Ветры дули, шапку сдули, кафтан сняли, рукавицы сами спали, о пьянчуге. Не подуйте на нас холодным ветром, будь милосерд. На ветру хорошо блох ловить, смирины. Ветер взбесится, и с бобылей избы крышу сорвет. Откуда ветер? С завтрака (или: с полдника, с обеда). Ветер шелоник по Онеге разбойник, юго-западный, опасный для судов. На Астафья (20 снтб) примечай ветер северный, к стуже; южный, к теплу; западный, к мокроте; восточный, к ведру. На Евлампия (10 октбр), рога месяца кажут на ту сторону, откуда быть ветрам. Киргиз в степи – ветер!* **Ветры** мн. образующиеся в желудке и кишках газы, воздух, который пучит [Даль 1955, т. 2: 334–335].

Как известно, это только половина словарной статьи, поскольку дальше идут прилагательные от *ветер* (*ветренный, ветряный, ветровой* и т. п.), глаголы (*ветреть* и т. п.) и длинный ряд однокоренных существительных и образованных от них глаголов и прилагательных. Но и приведенный фрагмент достаточно подробно иллюстрирует принципы построения далевого словаря в их реальном воплощении. В содержательном плане это представление лексемы в лексической системе: в качестве толкования в статье дан синонимический ряд, причем даже не к слову *ветер*, а к слову *поток* (*движение, течение, теча, ток*) в дефиниции «поток воздуха». Такие синонимические ряды могут быть лишены комментариев, как в приведенных случаях, а могут содержать необходимые или вполне факультативные уточнения – «по силе своей ветер бывает: ураган, квк. бора: шторм, буря (обычно с бурей соединены гроза и дождь)» (подчеркнуто мной. – М. Р.). Представлен и спектр возможной сочетаемости слова *ветер* – *жестокий, сильный, тихий, слабый* и др. – снова через синонимические

ряды, теперь уже атрибутивного плана. Постепенно синонимические ряды вырождаются в номенклатурные микросистемы названия ветров по частям света, причем с учетом достаточно большого количества региональных вариантов (на Волге, на Байкале, на Белом озере, на Каспийском море и т. п.).

Аналогичная процедура осуществляется по отношению к вторичным значениям слова *ветер*, ср. «ветрогон, ветренный, скорохват; непостоянный, непосредный, ненадежный, опрометчивый» о человеке.

Затем наступает очередь фразеологизмов и крылатых выражений, а также народных примет. В результате перед нами если не лингвистический портрет реалии «ветер», то по крайней мере богатейший материал для него. При этом свобода, некоторая даже небрежность подачи усиливает впечатление той «живости», пульсирующей действительности описываемой лексемы, которая присуща ей в речи. Автор как будто пробует слово на вкус, ищет в нем новые, пока, возможно, никому, кроме него, неизвестные смыслы и эмоциональные оттенки.

Конечно, в придании словам этой жизненной силы огромную роль играет диалектный материал, щедро рассыпанный по страницам словаря. Однако и собственно литературный и даже научный компонент здесь также присутствует. Ср. из этой же словарной статьи:

Ветреница ж. *ниж.* ветряк, ветряная мельница. | Ветреная женщина, безрассудная, вертопрашка, легкомысленная. | *Вост.* кажда из длинных хворостин, жердей, которыми покрываются стога, ометы и соломенные кровли изб, для защиты от бури; переметина; | *арх.* три верхние доски на ладьях, борта выше палубы, нашвы. | Внутренняя щель или трещина в лесе, в бревне; иногда щели эти выказываются наружу на отрубях. | Родовое название растений *Анемоне*: *ветреница лесная*, *A. nemorosa*; *в. желтая*, *A. ranunculoides*; *в. печеночная*, *A. hepatica*. | Болезнь *emphysema*, ветреная или воздушная опухоль, особ. в легких, или наружно, в клетчатке, под кожей. | Рычажок с крыльями или махалками, на оси, для умерения скорости вращательной силы; ветреницей устанавливается скорость боя часов [Даль 1955, т. 1: 335].

Есть особая прелесть в следовании друг за другом ветряной мельницы и ветреной жен-

щины. А появление латинских названий растений и болезни между повествованием о щелях в бревнах и «рычажке с махалками» – разве это не та самая подлинная жизнь языка, не считающаяся со строгими законами стиливых различий и призывами к единообразию?

Наверное, необходимо заметить, что в середине XIX века бытование диалектной лексики выглядело совершенно иначе, чем сейчас: диалектные слова слышались на улицах центральных городов в речи молочниц, возчиков дров, торговцев-разносчиков и прочего рабочего люда с той же частотностью, с которой сейчас мы слышим молодежный сленг. А в помещичьих усадьбах диалектная речь была еще более естественной. Другими словами, это была не terra incognita для образованного человека, это был привычный речевой фон, в котором без труда опознавались прозрачные по внутренней форме и ясные по смыслу слова народного быта. Тем естественнее воспринимались и синонимические ряды, и словообразовательные цепочки, в которых диалектное и общенародное тесно переплеталось.

Язык системен и в то же время проявляется в многоплановой, протестичной и не подчиняющейся формальной логике речи. Именно это ощущение появляется при чтении Словаря живого великорусского языка. Именно это ощущение владело его автором. В этом плане словарь Даля переключается со словарями, составленными диалектоносителями (см. об этом [Бондаренко 2021]), – в нем так же отражается наивное языковое сознание человека, жаждущего понять свой язык во всей доступной ему полноте, только Далю, образованному и широко эрудированному человеку своего времени, доступно гораздо больше. Это сочетание непосредственности и образованности отмечает в В. И. Дале и Е. И. Голованова, исследуя его как языковую личность [Голованова 2012].

Установка на воссоздание живого бытия языка делает словарь В. И. Даля не справочником, а Книгой о русском языке. Именно так она и прочитывается большинством читателей. При этом справочные возможности словаря тоже неисчерпаемы – это достоверная картина состава русской лексики середины XIX века. Современные системы поиска, уже используемые по отношению ко многим словарям и к словарю Даля в частности, делают

получение справки вполне быстрым и надежным. Конечно, отмеченные современниками и последующими поколениями читателей ошибки – реальность, но это не меняет общей картины живого русского языка.

Итак, словарь В. И. Даля был новаторским по своему подходу к подаче лексического материала. Он первый постарался построить словарь так, чтобы каждая словарная статья была рассказом о слове в его связи с другими словами, что полностью соответствует природе слова. Он создавал не справочник, а слово о словах. Его опыт был оценен не до конца: восхищаясь самим материалом, мало кто восхищался его организацией, и весь последующий лексикографический опыт в России и затем в СССР стал отрицанием далевского подхода к словарной работе. Алфавитные справочники по лексике – литературной или диалектной – все строже систематизируют систему значений многозначных слов, совершенствуют словарные дефиниции, разрабатывают приемы отсылок внутри отдельных томов и все меньше содержат ошибок, но остаются сухими регистраторами лексического состава языка. Правда, возможно, именно благодаря В. И. Далю большинство словарей сейчас не обходятся без иллюстративного материала, который в какой-то степени восполняет недостаток информации о живой силе слова. Тем не менее опыт В. И. Даля так и остается уникальным в русской лексикографии. Хорошо ли это?

Постараемся еще раз сформулировать принципы Словаря В. И. Даля и оценить перспективы воплощения их в современных словарях.

Главная исходная установка В. И. Даля – представить (по возможности) в с ю русскую лексику – как литературного языка, так и «областных наречий» и даже социолектов.

Второй принцип – демонстрация существующих в языке и речи связей слова – как парадигматических (синонимия), так и синтагматических (сочетаемость, примеры употребления в народной речи), а также их словообразовательных возможностей.

Из этих двух содержательных моментов вытекает третий принцип – формальный: только гнездовой подачей лексики можно решить поставленные задачи.

Есть ли какие-либо прецеденты далевского подхода в современной лексикографии? Ответ

практически отрицательный. Особенно это касается первого из выделенных нами принципов: есть достаточно редкие примеры полных словарей того или иного говора, включающих, наряду с дифференцированной, и общенародную лексику [Деул. 1969; Акчим 1984 и след.], однако сколько-нибудь известных примеров репрезентации лексики, и литературного языка, и территориальных диалектов, и социолектов все-таки нет. В стремлении соединить все пласты общенародного языка ближе всего А. И. Солженицын. Его Русский словарь языкового расширения [Солженицын 1990] призывает обратиться к устаревшей и диалектной лексике, выбранной из словаря В. И. Даля, ибо, по мнению автора, все это слова, «никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение» [Там же: 4]. Тем самым А. И. Солженицын фактически повторяет намерение В. И. Даля «научить» читателя пользоваться богатством русского лексикона. Для этой цели хороши и диалектные слова, и архаизмы, и даже жаргонная лексика. Стоит ли говорить, что достижение этой цели столь же утопично, сколь и мечта В. И. Даля своей волей внедрить собственнорусские слова вместо заимствованных?

Принцип демонстрации связей слова в словарной статье сейчас так или иначе реализуется в большинстве словарей, как в нормативных, так и в диалектных. В словарных статьях приводятся устойчивые сочетания и иллюстративные примеры употребления слов в текстах литературного языка или в диалектной речи. За счет использования отсылочных статей у читателя есть возможность получить информацию о словообразовательных вариантах и (реже) о синонимах. Однако эта информация разбросана по словарю и обычно «работает» только в одну сторону: в основной словарной статье информации об отсылочных статьях чаще всего нет. В диалектной лексикографии широкая подача иллюстративного материала иногда решает практически все задачи, решаемые далевским словарем. Приведем пример из диалектного словаря, где контекстный материал подается особенно щедро:

ВЕРХОВА, -ы, ж. **Ветер, дующий с верховьев реки. Ср.: ВЕРХОВИЧОК, ВЕРХОВОЧКА, *ВЕРХОВОЙ ВЕТЕР.**

На Байкале же разные ветра: култуки бьют, *ангары* бьют, запад, северо-запад,

юго-запад. *Ангара* дак он такой вроде с *гольцов* ветер. Он большую зыбь разгоняет. Может лодку захлестнуть даже. Волна хорошая бывает. *Севера* бывают, потом **верхова** вот наша дует отсюда, с Баргузина. Здесь у нас не так, как туда в Кабанском. Здесь меньше дует, хватает у нас, а туда, там *баргузин* дует, боится оне. Шибко боится **верхову**. Она здесь набирает силу таку, дует здорово, волна тоже разыгрывается больше, а туды там у них на просторе-то в Кабанском дак сильна она [398 (6). Макарино Баргузинск. Бурятия]. Раньше купцы товар возили в *Енисейск* отсюда, с *Кежмы*. Пять-шесть человек нанимают и плывут. В *илимках* плавилися.

[– До *Енисейска* долго шли? – Собрир.].

А это никто не *ушшитат*. Кака погода. Это Бог им только один судья. Никто не поймёт. *Оне щас* поплыли только, их отсюда выманило, **верхова** потянула. Не успели здесь-от до *Игренькова* доплыть, потянула *низова*. Да не такая, а *ломовая*. Их нисколько не несёт. Что делать? Вот пристают к берегу, вырубают ель здоровую и под лодку её подныривают, эту ель, чтобы *пушше* несло. Ель же, у ней ветки-то огромные, воды-то забирает она больше, и несёт быстрее.

[– А куда эту ёлку ставят? – Собрир.].

На *верёвках* под днище поддеывгивали, под лодку, под *перелозья*, чтобы несло больше. А потом её привяжут, чтобы её оттуда течением-то не выносило. И **верховой** её гнало. А *илимка* она *валу* этого не боится, она широкая, её не задеёт и не почерпнётся. У ней верх-то крытый, чтобы товар-то дождём-то не хватало, она крытая.

[– А *ломовая*-то *низовка* – это какая? – Собрир.].

Ну, *вал* с *белью* на реке идёт, что там... *Бараны бегают* по реке. Гребни срывают аж это, воду срывают с гребней. Ветер такой!

[– *Бараны бегают*, да? – Собрир.].

Но. Называются *бараны побежали* – *беляки*. Как *беляки* заходили, на маленьких лодках уже все к берегу. Там ехать уже нельзя, токо на больших.

[– Это *ломовая*, значит, *низова*? – Собрир.].

Но. А которые оттуда идут, с низу поднимаются сюда, те похахатывают, те на «Вихре» мимо пролетели, как летучий голландец.

Оне-то на полном парусе, там двое на корму, чтобы не дай Бог не *зарискнуло перелозья*. И пошёл! Аж парус *трешшит*, *мачта* *трешшит*. Ну, *мачта*, она на четырёх *верёвках* *ешшо* растя-

нута, дёржится. И посвистывают ешшо, чтобы ветерок был. А эти им *стягом* грозят:

– Куда свистишь?

Потому что ветер *пушше* будет. Вот так вот. Вот и удача. А кто расстояние, никак ты его никто не *вышшитат*. Одне за неделю обернулись, а вторы полмесяца плыли *до Енисейска*. Как поведёт.

[– А «куды свистишь» – это что? – Собир.].

А чтобы... такое поверье было. Как посвистывашь, так ветерок *попушше* и *попушше*. Свистеть нельзя было, грех. Но-ка, вот раньше попробуй-ка в избе посвистеть!

[– А почему свистеть плохо-то? – Собир.].

Дак ты всё добро из дома просвятиши и останешься без штанов, дак насвистисся. Вот так. Свистунов из дома выгоняли. Раньше такой закон был.

[– А кроме *низовой*, там ещё какие-то ветра были на Ангаре? – Собир.].

Ну, у нас здесь постоянные токо *низова* и *верхова*.

[– А *верхова* – что за ветер? – Собир.].

Ну, вот с востока ветер и с запада ветер – вот это *низова* называлась, а это *верхова* [399 (6)]. **Кежма Кежемск. Красноярск.** (Баргузинск., Кабанск., Северо-Байкальск. Бурятии; Балаганск., Братск., Жигаловск., Казачинско-Ленск., Катангск., Качугск., Киренск., Нижнеилимск., Усть-Илимск., Усть-Кутск., Усть-Удинск., Чунск. Ирк.; Богучанск., Енисейск.,

Кежемск., Мотыгинск., Уярск. Красноярск.; Нерчинск., Сретенск., Шелопугинск., Шилкинск. Читинск.) [Афанасьева-Медведева 2010: 293–295].

В данной словарной статье иллюстративный материал (связный текст) вмещает в себя все то, что представлено и в словаре В. И. Даля: и парадигматические, и синтагматические связи слова представлены очень ярко; кроме того, в словарную статью естественным образом включен обширный бытийный комментарий. Пожалуй, автор даже превосходит Даля по умению представить поистине живое слово, не прибегая к гнездовому способу подачи лексики. Правда, Даль не работал «в поле» и в те времена развернутый диалектный текст не ценился как предмет сбора.

Возвращаясь к принципиальному для В. И. Даля гнездовому способу подачи лексики, повторимся, что его возможности сейчас практически не используются, что связано с ориентацией на использование словаря прежде всего как справочного издания – и в нормативных словарях это вполне оправдано. Однако если смотреть на словарь глазами Даля-лексикографа, можно видеть и его просветительское, культуртрегерское значение, и тогда вопрос о новом Дале-словаре вполне может встать на повестку дня.

Литература

- Акчим – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького; гл. ред. Ф. Л. Скитова. – Пермь, 1984. – 398 с.
- Афанасьева-Медведева, Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 6 / Г. В. Афанасьева-Медведева; науч. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. – Иркутск, 2010. – 544 с.
- Бондаренко, Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание / Е. Д. Бондаренко. – М.: Индрик, 2021. – 584 с.
- Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь. 1893 / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – URL: https://bookscafe.net/read/brokgauz_f-enciklopedicheskiy_slovar-260076.html. – Текст: электронный.
- Голованова, Е. И. В. И. Даль как языковая личность: модель лексикографического описания / Е. И. Голованова // Мир русского слова. – 2012. – № 2. – С. 5–12.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1955.
- Деул. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / материал собрали и словарь сост. Г. А. Барина, Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова [и др.]; под ред. И. А. Оссоветского. – Москва: Наука, 1969. – 612 с.
- Дополнение к Опыт областного великорусского словаря : Издание Второго отделения Импер. акад. наук. – Санкт-Петербург: Тип. Импер. Акад. наук, 1858.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук [редактор А. Х. Востоков]. – Санкт-Петербург: в типографии Императорской академии наук, 1852. – 275 с.
- Путилина, С. В. В. И. Даль как литератор: дис. ... канд. филол. наук / Путилина С. В. – М., 2008. – 143 с.
- Пыпин, А. Н. По поводу «Толкового словаря» Даля / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1873. – № 12. – С. 883–903.
- Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. – М.: Наука, 1990. – 272 с.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1847. – 251 с.

Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание / под редакцию проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – СПб. ; М. : Т-ва М. О. Вольф, 1903–1909.

Чикова, Т. В. Лексические заимствования в произведениях В. И. Даля (Казака Луганского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чикова Т. В. – Владивосток, 2003. 27 с.

REFERENCES

Afanasieva-Medvedeva, G. V. (2010). *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoi Sibiri* [Dictionary of Dialects of Russian Old-Timers of the Lake Baikal Region of Siberia]. Vol. 6. Irkutsk. 544 p.

Boduen de Kurtene, I. A. (Ed.). (1903–1909). *Tolkovyi slovar' zhivogo Velikorusskago yazyka Vladimira Dalya* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Saint Petersburg, Moscow, T-va M. O. Vol'f.

Bondarenko, E. D. (2021). *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoe soznanie* [Naive linguistic and Dialect Language Consciousness]. Moscow, Indrik. 584 p.

Brokgauz, F. A., Efron, I. A. (1893). *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. URL: bookscafe.net/read/brokgauz_f-enciklopedicheskii_slovar-260076.html.

Chikova, T. V. (2003). *Leksicheskie zaимstvovaniya v proizvedeniyakh V. I. Dalya (Kazaka Luganskogo)* [Lexical Borrowings in the Works of V. I. Dahl]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok. 27 p.

Dahl, V. I. (1955). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols]. 2nd edition. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.

Deul. Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo raiona Ryazanskoi oblasti) [Dictionary of the Modern Russian Folk Dialects (Deulino Ryazan Region)]. (1969). Moscow, Nauka. 612 p.

Dopolnenie k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarya [Additional to the "Experience of the Regional Great Russian Dictionary"]. (1858). Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk.

Golovanova, E. I. (2012). V. I. Dal' kak yazykovaya lichnost': model' leksikograficheskogo opisaniya [V. I. Dahl as Language Personality: Model of Lexicographic Description]. In *Mir russkogo slova*. No. 2, pp. 5–12.

Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya, izdannyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk [Experience of the Regional Great Russian Dictionary Published by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. (1852). Saint Petersburg, v tipografii Imperatorskoi akademii nauk. 275 p.

Putilina, S. V. (2008). V. I. Dal' kak literator [V. I. Dahl as a Writer]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 143 p.

Pypin, A. N. (1873). Po povodu «Tolkovogo slovarya» Dalya [Regarding "Explanatory dictionary" Dahl]. In *Vestnik Evropy*. No. 12, pp. 883–903.

Skitova, F. L. (Ed.). (1984). *Akchim – Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti* (Akchimskii slovar') [Dictionary of Dialect of Akchim Village. Krasnovishersky District, Perm Region (Akchim Dictionary)]. Perm. 398 p.

Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk [Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. (1847). Saint Petersburg. 251 p.

Solzhenitsyn, A. I. (1990). *Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya* [Russian Dictionary of Language Extensions]. Moscow, Nauka. 272 p.

Данные об авторе

Рут Мария Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306.

E-mail: moerut@yandex.ru.

Authors' information

Ruth Maria Eduardovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, (Ekaterinburg, Russia).